

Мысли о воспитаніи и обученіи кавалериста ¹⁾

IV. О занятіяхъ и работѣ въ эскадронѣ съ точки зрѣ- нія обученія и воспитанія.

Наостараемся сначала въ общихъ чертахъ охарактеризовать *матеріалъ, пополняющій нашу кавалерію*, и изъ котораго въ 5 мѣсяцевъ надо сдѣлать коннаго воина.

Въ каждой партіи новобранцевъ, приходящихъ въ полкъ, дѣйствительно годныхъ для кавалерійскаго дѣла не болѣе трехъ четвертей, а то и половины.

Попадаютъ люди громаднаго роста, шестипудовые люди, неуклюжіе, длинные, худые, чахоточные на видъ и много такихъ, которые, по своему сложенію, совершенно не соотвѣтствуютъ назначенію въ кавалерію, т. е. съ длиннымъ туловищемъ и короткими ногами, и на лошади представляютъ изъ себя карикатуру.

Чтобы этого не было, необходимо въ высшей степени тщательный выборъ новобранцевъ въ кавалерію, для чего нужна большая опытность, тщательное медицинское освидѣтельствованіе и провѣрка вѣса; изъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ новобранцевъ, призываетъ-

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» 1908 г. № 8.

мых ежегодно въ Россіи, можно набрать въ кавалерію достаточное число людей опредѣленнаго вѣса отъ 4 до 4 пуд. 20 фун. (и отнюдь не болѣе 5 пуд. для нѣкоторыхъ гвардейскихъ полковъ), небольшого роста, при длинныхъ ногахъ, вполне здоровыхъ, сильныхъ и грамотныхъ. Выбирать ихъ желательнѣе изъ губерній съ густымъ конскимъ населеніемъ. Конечно чѣмъ легче и здоровѣе люди, тѣмъ лучше.

По наружному виду нашъ новобранецъ какъ будто и силенъ, но на дѣлѣ онъ человѣкъ сырой, мускулы у него не развиты, онъ не ловокъ, не уклюжь, не можетъ сразу вскочить на невысокую деревянную лошадь, подтянуться на рукахъ на параллельныхъ брусьяхъ, а продержавъ нѣсколько секундъ винтовку на изготовку, руки его начинаютъ дрожать.

У многихъ изъ нихъ мозгъ никогда не работалъ и затвердѣлъ къ 21-му году въ этомъ состояніи неподвижности; они съ трудомъ начинаютъ разбираться даже въ названіяхъ частей своего тѣла, правая—лѣвая рука, нога, локоть, колѣно, ступня, кисть; они не умѣютъ стоять, ходить, говорить, понимать что имъ говорить и отвѣчать на вопросы, аккуратно одѣваться, содержать въ чистотѣ себя и свои вещи. Всему этому надо ихъ научить, они должны къ этому привыкнуть.

Русскій человѣкъ очень высокаго мнѣнія о преимуществахъ своей націи. Глубокое религиозное убѣжденіе, пылкая любовь къ отечеству, преданность царю, полная готовность жертвовать собою, безпрекословное повиновеніе начальству — это *его добродѣтели*. Ему ничто не можетъ противостоять, — таково убѣжденіе Драгомирова и очень многихъ русскихъ. Но все это стараются подорвать и разрушать внутренніе враги отечества — «товарищи-освободители» и увы! это имъ удается.

Какъ война 1877—8 гг. съ турками, такъ въ особенности 1904—5 гг. съ японцами наглядно доказали, что ни народъ, ни армія не находятся на такой идеальной высотѣ.

Наряду съ высшими и лучшими духовными качествами, у русскаго человѣка попутно цѣлая бездна слабостей, и онъ можетъ впадать изъ одной крайности въ другую: у него нѣтъ моральной опоры. И это вѣроятно—послѣдствіе историческаго развитія русскаго народа.

Только въ періодъ времени 1858—63 гг. крѣпостное право, которое въ Россіи существовало въ самой рѣзкой формѣ, мало-по-

малу было устранено; вотъ чѣмъ и объясняется многое въ русскомъ національномъ характерѣ.

Крѣпостной былъ лишенъ всякихъ правъ. Онъ ничего не могъ для себя пріобрѣсти; онъ самъ лично и его силы находились въ полной зависимости отъ произвола своего господина и при этомъ безъ всякой защиты закона.

И когда баринъ изрѣдка навѣщалъ свое имѣніе, то патриархальнаго обращенія съ крестьянами ужъ не было,—у нихъ оставался только страхъ.

Тамъ, гдѣ германецъ или другой человѣкъ вышелъ бы изъ себя отъ гнѣва, приче́мъ онъ искалъ бы правды и доказалъ бы свою правоту, русскій съ давнихъ временъ привыкъ молчать и ничего не дѣлать. Этимъ объясняются *три дальнѣйшія характерныя качества русскаго*, а именно: 1) его большое терпѣніе, способность переносить все, что отъ него требуется, его увѣренность и готовность страдать и умереть за своего господина; 2) отсутствіе инициативы, несамостоятельность и 3) его скорое охлажденіе въ преслѣдованіи намѣченной цѣли. Русская народная психика хотя и способна къ порывамъ, но если не находится вождя съ неослабвующей энергіей, она болѣе, чѣмъ у другого европейскаго народа, подвергается охлажденію и унынію. Если при отдачѣ приказа не даются предположенія, требующія самостоятельнаго соображенія, начальникъ можетъ быть увѣренъ, что приказаніе будетъ приведено въ исполненіе точно и механически.

Но сглаживаются всѣ эти недостатки тѣмъ, что у русскаго человѣка золотая душа и въ громаднѣйшемъ числѣ новобранцевъ, этихъ пахарей, оторванныхъ отъ сохи, всегда живетъ, и будетъ жить несмотря на всѣ происки революціи, любовь къ Царю и Родинѣ, благодаря чему обученіе даетъ блестящій результатъ.

Главная задача мирнаго воспитанія—утверждать и повышать моральную упругость войскъ и приводить въ движеніе всѣ средства, способствующія этой цѣли.

Вотъ средства и принципы для достиженія возможно полнаго моральнаго развитія, которые великіе военные учителя особенно рекомендуютъ и которые, какъ и требованія къ человѣческому сердцу, остаются въ неизмѣнной силѣ: 1) постоянное повтореніе того, что солдатъ существуетъ для войны и настойчивое разъясненіе различія между войною и миромъ, чтобы картина войны и ея требованія возможно менѣе смущали солдата. Впечатлѣнія боевой обстановки въ большинствѣ случаевъ повлекутъ за собою пониже-

ніе идеальныхъ качествъ войскъ; степень пониженія будетъ зависеть отъ состоянія арміи въ моральномъ отношеніи и отъ величины потерь. 2) воспитаніе въ духѣ самостоятельнаго мышленія, инициативы, самостоятельнаго исполненія и доброй воли; ошибки протекающія изъ этихъ качествъ, никогда не слѣдуетъ порицать, иначе это возбуждаетъ боязнь передъ отвѣтственностью; напротивъ, нужно всегда хвалить то, что сдѣлано самостоятельно, но конечно осмысленно, толково и безъ злого умысла; 3) всегда слѣдуетъ тщательно заботиться о любви и привязанности къ Царю и отечеству, къ высокому призванію солдата, къ славіи и чести своей части; 4) добрымъ, почтительнымъ и справедливымъ обхожденіемъ съ солдатомъ, постоянной общей и усиленной совмѣстной работой слѣдуетъ будить въ солдатѣ любовь и довѣріе къ его начальникамъ; 5) разумнымъ же поощреніемъ всякихъ физическихъ упражненій, какъ верховая ѣзда, стрѣльба, фехтованіе, гимнастика, должно быть развито личное мужество, сила воли, способность къ частному подвигу, самоувѣренность.

Общія основанія обученія. Къ веснѣ новобранцы, пробывъ въ полку всего четыре мѣсяца, должны быть вполне исправлены и обучены: ѣздѣ, вольтижировкѣ, гимнастикѣ, фехтованію, рубкѣ, стрѣльбѣ, знанію всѣхъ названій частей винтовки, кавалерійскаго снаряженія, уставамъ: гарнизонному, внутреннему, дисциплинарному, полевому и всѣмъ общимъ обязанностямъ нижнихъ чиновъ.

Для исполненія всѣхъ этихъ требованій, кавалеристу необходимо имѣть очень хорошее здоровье, тѣмъ болѣе что обученіе новобранцевъ идетъ во время дождливой холодной осени и суровой зимы, что значительно мѣшаетъ дѣлу въ виду отсутствія крытыхъ манежей; таковыя имѣются только въ гвардейскихъ полкахъ, да въ 3—4 армейскихъ¹⁾.

¹⁾ Задерживаетъ еще обученіе новобранцевъ—растираніе ногъ, причина чего—это штаны и кальсоны (подштанники). Нередко новобранцы обучаются до самой весны въ штанахъ, привезенныхъ изъ дому, въ которыхъ, конечно, не мало складокъ, растирающихъ ногу, а тѣмъ болѣе у неумѣлаго ѣздока. Да и казенныя рейтузы не особенно соответствуютъ своему назначенію и не предотвращаютъ растираніе, такъ какъ обыкновенно не имѣютъ штрипокъ и плохо сшиты; во избѣжаніе складокъ, рейтузы должны быть спеціальнаго покроя: узки внизу и постепенно расширяющіяся уже изъ подъ колѣна, дабы оно могло свободно сгибаться. Поясъ долженъ быть короткій, что бы разрывъ штановъ находился вплотную къ разрыву ногъ, а не болтался между ними, что часто бываетъ, и въ этомъ случаѣ, какъ только новобранецъ подѣлаетъ гимнастику ногами и раза два побѣдитъ верхомъ, рейтузы разрываются. Вторая пара рейтузъ въ годъ существенная необходимость для кавалеріи, даже большая чѣмъ вторая пара сапогъ для пѣхоты; кромѣ того необходимо выдавать матеріалъ для нашивки лей. Подштанники должны быть обязательно со штричками и не слишкомъ широки.

Предъявлять лишнія, неумѣстныя требованія отъ себя новобранцамъ въ кавалеріи совершенно неумѣстно. Имъ достаточно и, даже, слишкомъ много работы, согласно инструкціи для веденія занятій.

Принципы для обученія и образованія: 1) въ мирное время обучать только тому, что придется дѣлать на войнѣ; 2) обучать такъ, чтобы всегда на первомъ планѣ ставилась цѣль боя и чтобы она вытекала изъ самаго хода упражненія; 3) по возможности учить практически, а не теоретически—показомъ, а не рассказомъ; 4) твердо помнить, что въ военномъ дѣлѣ непригодно учить—преступленіе. Войска очень чувствуютъ, когда имъ задаютъ ненужную работу. Кто пользуется довѣріемъ можетъ все потребовать, тогда какъ недовольство начало пораженія.

Подготовка къ войнѣ остается главной, но не единственной обязанностью офицера; кромѣ чисто военныхъ онъ долженъ нести обязанности воспитателя, руководить внутренней и умственной жизнью солдатъ, которые получаютъ отпечатокъ тѣхъ начальниковъ, подъ начальствомъ которыхъ служили.

Всякій начальникъ дѣлаетъ большую ошибку, воображая, что онъ сдѣлалъ все необходимое, обучивъ свою часть ѣздѣ, ружейнымъ приѣмамъ, стрѣльбѣ, пѣшему строю, примѣненію къ мѣстности, а что все остальное придетъ само собою. Можно быть отличнымъ бойцомъ и стрѣлкомъ и въ тоже время не имѣть ни малѣйшаго понятія о солдатскомъ чувствѣ долга. Въ дѣйствительности—все наоборотъ: если удастся прежде всего вкоренить это послѣднее, все остальное приходитъ само собою. Конечно всякій нижній чинъ, а кавалеристъ, въ особенности, долженъ быть ловокъ, хорошо исправленъ, смотрѣть молодцомъ, хорошо и аккуратно отдавать воинскую честь; но жестоко ошибаются тѣ начальники и командиры, которые видятъ идеалъ обученія и воспитанія въ такомъ солдатѣ, который только бѣстъ глазами начальника, не своимъ голосомъ отвѣчаетъ на привѣтствіе и съ трескомъ дѣлаетъ повороты. Утрированная муштровка убиваетъ умъ и духъ, хотя бы отъ того что заниматься ими и развивать ихъ не будетъ хватать времени; всѣ часы занятій уйдутъ на отдѣлку чистоты поворотовъ, шашечныхъ и ружейныхъ приѣмовъ.

Наряду съ изученіемъ обязанностей должно идти приобрѣтеніе знаній службы; послѣднее можетъ преподавать всякій, сколько-нибудь знающій учитель, но внушеніе сознанія долга, объясненіе значенія штандарта, присяги настолько серьезныя вещи, что по-

свящать въ нихъ солдата должны исключительно только офицеры.

Кавалеристъ не долженъ долго оставаться въ бездѣйствіи и то непродолжительное время, которое онъ отнынѣ проводить на службѣ, должно быть съ пользой употреблено; не нужно терять ни минуты, чтобы достигнуть цѣли, но при обученіи необходимо помнить: искать качество труда и занятій, а отнюдь не количества ихъ. Праздность, ничего недѣланіе—могутъ существовать только при плохомъ командирѣ. Но неправильно поступаютъ и виновны также и тѣ начальники, которые представляютъ и принимаютъ росписанія занятій, по которымъ каждая минута занята и людямъ нѣтъ отдыха, нѣтъ времени свободно вздохнуть, отдохнуть и почиститься. Такія росписанія—это самообманъ, ибо они не исполнимы, а всякое назначенное занятіе должно быть исполнено; при составленіи росписаній, не надо забывать, что у кавалериста по крайней мѣрѣ часа 4½ занимаетъ уходъ за лошадыю. Ызду и вообще все обученіе верхомъ желательно производить до обѣда; утромъ часовъ въ 8—9, когда люди бодры и свѣжи духомъ и тѣломъ. Если ѣзда производится днемъ, то желательно начинать ее не сейчасъ послѣ обѣда, а часа черезъ 1½—2, давая отдохнуть людямъ, иначе они наскоро пообѣдавъ, не почистившись, въ торопяхъ посѣдлавъ лошадей, недовольные выходятъ на занятіе, которое начинается при общемъ дурномъ расположеніи духа, какъ рядовыхъ, такъ и унтеръ-офицеровъ и даже офицеровъ—это зря потерянное время¹⁾.

Въ кавалеристѣ надо всегда поддерживать веселое и бодрое настроеніе, ибо только тогда онъ внесетъ въ свои дѣла, дѣйствія и занятія нужную энергію и любовь.

Необходимо давать людямъ отдыхъ во время дня и всякими способами стараться сдѣлать казарму болѣе пріятной-уютной, чтобы насколько возможно легче удерживать въ ней людей.

Воскресенья и праздники должны быть всецѣло днями отдыха, не забывая конечно ухода за лошадьми. Шестъ дней занятія вполне достаточно, чтобы не надоѣдать людямъ по праздникамъ. Если дѣлать иногда по праздникамъ какія нибудь развлеченія для нижнихъ чиновъ, то онѣ отнюдь не должны быть обязательными, ибо тогда теряютъ половину прелести; нельзя веселиться по приказанію. Если эскадронъ или полкъ даетъ на примѣръ по разу въ годъ призы за-

¹⁾ Къ сожалѣнію это не всегда возможно, когда надо придерживаться росписанія манежей.

прыганіе, то по праздникамъ можно устраивать напрыгиваніе лошадей, занятіе, которое люди очень любятъ и охотно идутъ на него, безъ всякаго принужденія, особенно зная, что результаты его награждаются призами. Разумѣется не надо это дѣлать во время Богослуженій, на которое увольнять всѣхъ желающихъ нижнихъ чиновъ, опять-таки не дѣлая этого обязательнымъ, не насилуя души человѣка. Русскіе люди, а слѣдовательно и солдаты, вообще, очень религіозны и богомольны; человѣкъ кажущійся самымъ невѣрующимъ при приближеніи смерти или раненый на полѣ битвы призываетъ Бога, желаетъ причаститься Святыхъ Таинъ; онъ умираетъ мученикомъ, но съ вѣрой въ Бога, въ будущую жизнь и его послѣдній вздохъ принимаетъ священникъ, который, къ сожалѣнію, не успѣваетъ напутствовать всѣхъ умирающихъ на полѣ чести. «За Вѣру Царя и Отечество»—вотъ девизъ русскаго солдата, которымъ живетъ наша армія.

Необходимо развивать кромѣ души и умъ солдата. Новобранцы, поступающіе въ полки въ нынѣшнее время, значительно образованнѣе, развитѣе чѣмъ прежде и неграмотные на перечетъ (на примѣръ, въ 1907 году въ одномъ эскадронѣ на 63 человѣка 2 неграмотныхъ) и готовы воспринять въ короткое время науку и воспитаніе, о которыхъ нельзя было и думать раньше.

Надо пользоваться современной дешевой печатнаго слова и возможно болѣе распространять среди нижнихъ чиновъ хорошую общеобразовательную литературу, въ видѣ книгъ, брошюръ, маленькихъ ежедневныхъ газетъ. Но, къ сожалѣнію, начальство слишкомъ мало пользуется этимъ средствомъ воздѣйствія на душу солдата; за то пользуются имъ революціонеры, стараясь наводить армію всякими прокламаціями и воззваніями; въ нихъ эти волки въ овечьей шкурѣ, притворяясь друзьями солдатъ, защитниками ихъ интересовъ отъ якобы истязаній начальства, на самомъ дѣлѣ совращаютъ ихъ на ложный путь измѣны родинѣ, неповиновенія начальникамъ и многихъ доводятъ до разстрѣла и висѣлицы; они смѣшиваются съ грязью, смѣются надъ тѣми, кто должны внушить къ себѣ безпредѣльную любовь, преданность и уваженіе—надъ начальствомъ, командиромъ и офицерами, которые управляютъ полкомъ и людьми своимъ нравственнымъ авторитетомъ, своимъ личнымъ достоинствомъ гораздо болѣе, чѣмъ старшинствомъ въ чинѣ. Офицеры и нижніе чины должны составлять одно цѣлое недѣлимое, любить и уважать другъ друга, тогда послѣдніе возвращаясь послѣ службы домой, будутъ приходить лучшими чѣмъ были, какъ

въ физическомъ отношеніи, такъ въ нравственномъ и умственномъ. Тогда только авторитетъ начальника будетъ незыблемъ и никакая пропаганда не совѣсть себѣ гнѣзда въ арміи.

Изъ молодыхъ солдатъ офицеры должны сдѣлать людей, способныхъ пробить себѣ путь въ водоворотѣ современной жизни.

Надо пѣлыя страницы, чтобы перечислить всѣ подозрительныя газеты, прокламаціи послѣдняго времени, затрагивающія честь арміи, развращающія душу солдатъ, а хорошихъ дешевыхъ газетъ—наоборотъ, почти совсѣмъ нѣтъ.

Больше всего распространена спеціально солдатская литература въ Германіи; тамъ издаются, на примѣръ, «Унтеръ-офицерская газета», «Другъ солдата», «Товарищъ» и прочія.

Слѣдовало бы и у насъ съ современнымъ развитіемъ образованія принять энергичныя мѣры для умственного воспитанія и развитія солдата въ духѣ преданности родинѣ; на примѣръ, шире поставить эскадронныя библіотеки, издать учебникъ кавалериста, въ которомъ ясно и точно были бы опредѣлены всѣ обязанности и права солдата, какъ на службѣ, такъ и внѣ ея, въ частной жизни и находились бы всѣ необходимыя свѣдѣнія изъ уставовъ и законовъ; эти изданія должны бы были исходить отъ военного министерства, комитета по образованію войскъ или инспекціи кавалеріи и выдаваться каждому новобранцу въ полную собственность; въ такомъ учебникѣ должно быть, конечно, отведено большое мѣсто для описаній подвиговъ нашихъ героевъ.

Военное министерство или комитетъ по образованію войскъ должны бы были издавать у насъ ежедневную солдатскую газету, по очень дешевой цѣнѣ, и полученіе которой было бы обязательно, по крайней мѣрѣ, по четыре экземпляра [на каждую роту и эскадронъ; намъ скажутъ, что нѣтъ денегъ—но... есть же онѣ, на примѣръ, на никому ненужныя замшевыя перчатки въ гвардейской кавалеріи (1 руб. 25 коп. въ годъ на человѣка, что составляетъ около 11,000 рублей на всю гвардейскую кавалерію); не полезнѣ ли употребить эти деньги на воспитаніе человѣка, на его духовную пищу,—пусть судитъ каждый.

Исторія каждаго полка, написанная спеціально для солдатъ, обрисовывая подвиги ихъ дѣдовъ и отцовъ по полку, можетъ очень благотворно повліять на умъ людей. Всѣ старанія и способы для развитія душевныхъ качествъ солдата, его воспитанія должны быть всячески поощряемы. Картины, изображающія подвиги нашихъ героевъ и примѣры исполненія служебнаго долга, какъ въ

военное такъ и въ мирное время, различныя наглядныя таблицы, очень полезны и облегчаютъ начальству воспитаніе и обученіе людей. Для умственнаго развитія нижнихъ чиновъ, хорошо имѣть въ эскадронѣ географическія карты, общедоступныя таблицы по естественной исторіи, иппологіи, анатоміи, гигиенѣ.

V. Качества нижнихъ чиновъ и офицеровъ.

Надо отмѣтить большую разницу между двумя главнѣйшими элементами, составляющими армію: нижніе чины—элементъ переменный (кромѣ сверхсрочныхъ), офицеры—элементъ постоянный.

Вотъ качества и добродѣтели, которыми долженъ обладать каждый хороший солдатъ: обожаніе Царя и Родины; дисциплина такъ, какъ она понимается уставомъ и подъ которой подразумевается безпрекословное повиновеніе, подчиненіе и полное уваженіе къ начальнику; такая дисциплина порождаетъ взаимное довѣріе. Чувство чести и долга, которое возбуждаетъ самолюбіе и двигаетъ на невѣроятные подвиги. Любовь къ своей части, которая вызываетъ соревнованіе. Сознательная беззавѣтная храбрость, хладнокровіе, рѣшимость и присутствіе духа. Всѣ эти добродѣтели надо поддерживать и возбуждать въ старомъ солдатѣ и рождать въ молодомъ. О нихъ уже много написано нашими военными писателями, учителями, такъ что объ этомъ нечего распространяться. Солдатъ, воспитанный въ «хорошей школѣ» энергичнымъ, самостоятельнымъ, не щадящимъ самого себя, пріучившійся мало-по-малу къ сильнымъ физическимъ напряженіямъ и умѣющій ихъ преодолевать, усвоившій основныя указанія относительно постоянно повторяющихся случаевъ въ бою—такой солдатъ устоитъ при сильныхъ впечатлѣніяхъ боя и окажется вполне благонадежнымъ солдатомъ.

При теперешнихъ короткихъ срокахъ службы, чтобы имѣть дѣйствительно хорошіе эскадроны, надо бы было возможно увеличить число сверхсрочнослужащихъ; на примѣръ, въ Германіи, въ эскадронахъ до 40 сверхсрочныхъ, такъ что не только всѣ унтеръ-офицеры и ефрейторы сверхсрочные, но есть и рядовые. У насъ же можно имѣть только сверхсрочнаго захмистра и двухъ взводныхъ, которые и то остаются не съ особенной охотой; надо стараться сдѣлать военную службу привлекательной, пріятной, для чего необходима дисциплина твердая, справедливая и слѣдовательно легкая, являющаяся результатомъ авторитета и уваженія, которое всякій начальникъ долженъ внушить къ себѣ.

Всѣ унтеръ-офицеры и нашивочные какъ бы скромно не было ихъ положеніе въ военной іерархіи, должны пользоваться полнымъ уваженіемъ и почетомъ въ народѣ и обществѣ, чего у насъ, къ сожалѣнію, нѣтъ; въ этомъ виноваты и они сами: набранные изъ разныхъ мѣстъ и слоевъ общества они не имѣютъ достаточно яснаго представленія о томъ высокомъ положеніи, которое они занимаютъ и о собственномъ достоинствѣ; во-вторыхъ, между народомъ, гражданскими и военными властями существуетъ какая-то распря, вражда, особенно за послѣднее время. Но армія, какъ встарь такъ и нынѣ, опора Отечества и отдѣльные представители ея, какъ она и сама, должны быть уважаемы всѣми тѣми, кто не имѣетъ счастья носить военного мундира.

Надо напрягать всѣ силы для моральнаго развитія унтеръ-офицерскаго корпуса, чтобы правильнѣе исполнять задачу арміи, потому что прежде нужно создать воспитателей и именно, хорошихъ воспитателей, чѣмъ приступать къ воспитанію.

Какъ въ офицерскую службу, такъ и въ сверхсрочные слѣдовало бы принимать только такихъ людей, которые не только имѣютъ безупречное прошлое, но которыхъ происхожденіе и воспитаніе ручаются за твердое и хорошее нравственное развитіе. Передъ пріемомъ на сверхсрочную службу слѣдовало бы основательно обсуждать этотъ вопросъ, если нужно, со справками у судебной власти на родинѣ.

Вотъ настоящія основы для поднятія чести унтеръ-офицерскаго сословія.

Если приходится говорить съ запасными или отставными здраво-мыслящими солдатами объ ихъ службѣ, или, будучи неузнаннымъ, слушать такой разговоръ съ третьимъ лицомъ, то большею частью слышишь, что они о своихъ офицерахъ отзываются съ любовью и признательностью, а мнѣніе объ унтеръ-офицерахъ зачастую рѣзкое и непочтительное настолько, что не къ лицу и запасному солдату.

Это лучшее доказательство того, насколько воспитаніе унтеръ-офицеровъ нуждается въ улучшеніи. Унтеръ-офицеръ по своему назначенію помощникъ офицера и нерѣдко долженъ его замѣнять. Этой обязанности онъ не выполняетъ, если, хотя бы даже безсознательно и ненарочно, дѣйствуетъ въ разрѣзъ съ офицерами, а не работаетъ совмѣстно съ ними. Поэтому командиръ, чтобы съ толкомъ работать и добиться успѣха, долженъ воспитывать главнымъ образомъ своихъ унтеръ-офицеровъ въ тѣхъ служебныхъ пріемахъ

и въ тѣхъ принципахъ, которые онъ считаетъ правильными. А для этого требуются серьезныя занятія съ унтеръ-офицерами, обстоятельное толкованіе и обученіе, въ отношеніи того же самаго чувства долга и чести, которое онъ предъявляетъ къ себѣ самому и къ каждому офицеру.

Поступки, которые не выдерживаютъ этого масштаба, недостойны унтеръ-офицера и всего этого сословія, какъ всѣ поступки, обнаруживающіе отсутствіе мужества; такъ, напримѣръ, умышленное истязаніе подчиненнаго, вымоганіе у него денегъ или возвращеніе въ казарму послѣ отпуска позднѣе срока и въ нетрезвомъ видѣ.

Всѣ подобныя проступки, которые, можетъ быть, и не дойдутъ до свѣдѣнія начальства, обыкновенно скоро дѣлаются извѣстными подчиненнымъ и подрываютъ у нихъ уваженіе къ унтеръ-офицерамъ.

Черта характера, которая, къ сожалѣнію, встрѣчается у унтеръ-офицеровъ и которую слѣдуетъ рѣзко осудить, какъ безчестную и неприличную, это—мстительность. Если унтеръ-офицеръ наказанъ изъ-за одного изъ подчиненныхъ, или, если тотъ пожаловался на него, то ему кажется вполне естественнымъ, если онъ за это отомститъ своему подчиненному.

Отсюда обычно происходитъ явное превышеніе или несправедливое присвоеніе права наказанія, мученія и истязанія, которыми такой унтеръ-офицеръ только самъ накликаетъ бѣду; тоже самое, если унтеръ-офицеръ сумѣетъ преслѣдовать своихъ подчиненныхъ неприятностями, не превышая своихъ правъ. Такіе уколы у защитнаго подчиненнаго могутъ отбить всякую охоту къ службѣ и солдатскому призванію.

Справедливость—основа всякаго воспитанія, а злопамятство и мстительность нарушаютъ эту основу и порождаютъ неохоту, неудовольствіе и, даже ненависть.

Нашихъ унтеръ-офицеровъ слѣдуетъ воспитывать въ рыцарскомъ образѣ мыслей и дѣйствій, и это возможное дѣло; мы расписались бы въ своей духовной нищетѣ, если бы сочли это требованіе слишкомъ высокимъ.

Первымъ дѣломъ слѣдуетъ обращать вниманіе воспитателя на тонъ, съ которымъ унтеръ-офицеры обращаются въ службѣ и внѣ службы съ своими подчиненными и между собою.

Грубые и неприличные выраженія также слѣдуетъ запретить, какъ и ругательства, которыя иной унтеръ-офицеръ считаетъ нераздѣльными отъ службы.

Чѣмъ спокойнѣе и объективнѣе ведется служба, тѣмъ больше отъ нея пользы, а необходимой строгости скорѣе можно достигнуть спокойной энергіею, чѣмъ раздражительною бранью, которая вовсе не способствуетъ охотѣ къ службѣ и зачастую даетъ поводъ къ различнымъ выходкамъ; слѣдя-же за тономъ обращенія, послѣднія можно предупреждать.

Самое важное то, чтобы унтеръ-офицерскій составъ одного эскадрона одного полка самъ себя воспитывалъ, чтобы каждый шелъ въ этомъ не своей дорогою, а по товарищески держался бы другъ друга. Надзоръ надъ этимъ воспитаніемъ лежитъ, конечно, на офицерахъ, эскадронномъ и полковомъ командирахъ, которые должны подавать соотвѣтствующій примѣръ, должны убѣждать старшихъ унтеръ-офицеровъ помогать младшимъ дѣломъ и совѣтомъ, заботиться о нихъ и внѣ службы привлекать ихъ въ свою компанію; а младшимъ—слѣдуетъ указывать, чтобы они принимали благоразумный совѣтъ старшихъ товарищей и не избѣгали его. Вліяніе благовоспитанныхъ, съ твердымъ характеромъ, старшихъ унтеръ-офицеровъ на младшихъ и на всю часть будетъ производить отличное дѣйствіе, а наоборотъ, даже одинъ неблагонамѣренный старшій унтеръ-офицеръ можетъ принести много вреда.

Поэтому ни одинъ унтеръ-офицеръ, не имѣющій твердаго, хорошаго характера, не долженъ занимать вліятельнаго положенія въ силу только своей служебной степени или своего возраста; лучше мало унтеръ-офицеровъ, но испытанныхъ, чѣмъ большое количество среднихъ или слабыхъ элементовъ.

Моральное развитіе унтеръ-офицеровъ, — помощниковъ воспитателей солдатъ, приводитъ въ результатъ къ подъему солдатскаго сословія. Приличный тонъ между унтеръ-офицерами и въ ихъ обращеніи съ своими подчиненными поднимаетъ благоприличіе роты; грубый-же тонъ подрываетъ его и дѣйствуетъ удручающе на солдатъ, получившихъ болѣе хорошее воспитаніе. Жизнерадостность, которой мы добиваемся на службѣ, не можетъ процвѣтать при грубомъ обращеніи. Грубое обращеніе легко переходитъ въ истязанія, а съ ними нужно бороться энергично, потому что ничто такъ не подламываетъ и не притупляетъ самолюбія, какъ именно истязанія. Число такихъ случаевъ съ года на годъ уменьшается, но, къ сожалѣнію, они всетаки еще не совсѣмъ исчезли. Что же служить причиною истязаній?

Во-первыхъ, въ рѣдкихъ случаяхъ, — злобность характера, при которой истязать и мучить другихъ — удовольствіе. Начальники съ

такими данными по ошибкѣ попали не на свое мѣсто, и ихъ нужно удалить изъ арміи какъ можно скорѣе.

Въ другихъ случаяхъ горячій темпераментъ начальника, въ порывѣ минутной досады, побуждаетъ побоями наказывать нарушеніе почтительности, неисполненіе обязанности, отсутствіе вниманія или дисциплины. Это — недостатокъ самообладанія, который нельзя прощать; только молодость и неопытность могутъ оправдать болѣе мягкое отношеніе къ нему.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ истязаніе вызывается тѣмъ, что унтеръ-офицеры, не имѣющіе права наказывать, чувствуютъ, что офицеры, которымъ принадлежитъ право наказанія, недостаточно воспользовались имъ. Такая причина ни въ коемъ случаѣ не заслуживаетъ оправданія.

Если унтеръ-офицеру почаще повторять объ этомъ, а также, если онъ самъ удостовѣрится на опытѣ, что одинъ лишь докладъ о поступкѣ подчиненнаго принесетъ гораздо больше пользы, чѣмъ личное «рукоприкладство», то число оскорбленій, нанесенныхъ въ возбужденіи, значительно уменьшится. Оскорбленіе же дѣйствіемъ, не отмѣченное тотчасъ же и не наказанное, вредитъ сущности дисциплины. Истязаніе-проступокъ заслуживающій строгаго наказанія. Починенный это знаетъ, и знаетъ онъ также, что съ той минуты, когда начальникъ его оскорбилъ, судьба этого послѣдняго нѣкоторымъ образомъ въ его рукахъ. Отсюда происходитъ опасное шатаніе, нарушающее внутренній смыслъ дисциплины, положеніе, — на которое серьезно и настоятельно слѣдуетъ указывать всѣмъ начальствующимъ лицамъ полка.

Плохой корпусъ офицеровъ не можетъ воспитать арміи въ моральномъ отношеніи; *хорошій-же, дѣльный офицерскій составъ* при продолжительномъ вліяніи сдѣлаетъ изъ самой плохой арміи — хорошую.

«Духъ арміи покоится на ея офицерахъ». Эта вотъ истина, которая также должна относиться и къ русской арміи.

Чтобы быть хорошимъ, достойнымъ офицеромъ, перечисленныхъ качествъ для нижнихъ чиновъ — мало и къ нимъ надо прибавить: любовь своего дѣла, дѣятельность и бдительность нравственную и физическую, благоразуміе, терпѣніе, скромность и воздержаніе. Офицеръ, позволяющій себѣ быть въ нетрезвомъ видѣ передъ людьми (да еще иногда въ строю), роняетъ въ ихъ глазахъ свое достоинство; какъ тотъ-же офицеръ будетъ завтра взыскивать за пьянство своихъ подчиненныхъ? Будутъ-ли они имѣть къ нему до-

статочное внутреннее уваженіе? А увы, подобные случаи бываютъ перѣдко.

Офицеръ долженъ быть съ характеромъ твердымъ, энергичнымъ съ сильной волей; онъ долженъ быть благороденъ, честенъ, правдивъ, самоотверженъ, прямодушенъ, откровененъ, а для своихъ подчиненныхъ доступенъ и безпристрастенъ. Всѣ эти качества порождаютъ къ нему уваженіе, любовь, довѣріе и преданность солдатъ, безъ чего невозможно быть руководителемъ своихъ подчиненныхъ.

Офицеры должны подавать примѣръ своимъ подчиненнымъ въ добросовѣстномъ исполненіи своихъ обязанностей, потому что чувство долга распространяется не снизу вверхъ, а сверху внизъ. Офицеръ, проникнутый честью, поднимаетъ и подчиненнаго на высоту долга.

Офицеры, приученные въ тяжелую минуту, когда особенно необходимы глазъ начальника и попеченіе о подчиненныхъ, предоставлять этихъ послѣднихъ самимъ себѣ, привыкшіе въ такихъ случаяхъ прежде всего заботиться о собственной безопасности и собственныхъ удобствахъ, усваиваютъ такіе служебные взгляды, съ которыми нельзя воспитывать солдатъ въ сознаніи долга, въ готовности жертвовать собою и въ презрѣніи къ смерти или же вообще въ какомъ бы то ни было моральномъ отношеніи.

Всякій офицеръ и начальникъ обязанъ прежде всего узнать и знать своихъ подчиненныхъ и стараться сдѣлать все возможное, чтобы они его оцѣнили и полюбили; это вовсе не значитъ потакать имъ и слабо съ ними обращаться. Свободно разговаривая съ людьми, офицеръ узнаетъ ихъ нужды, развиваетъ и поддерживаетъ ихъ нравственно, показывая имъ свое участіе и заботливость о нихъ.

Духовныя силы, такъ же какъ и силы тѣлесныя или умственныя, развиты весьма разнообразно, и у каждаго человѣка есть свои индивидуальныя особенности. Поэтому офицеръ долженъ стараться проникнуть также и въ сердца своихъ подчиненныхъ, и ему часто придется для двухъ различныхъ солдатъ примѣнять два совершенно противоположныхъ средства, чтобы достигнуть одного и того же. Другими словами, онъ долженъ упражняться въ самомъ трудномъ искусствѣ: въ познаниіи людей.

Онъ долженъ на ряду съ этимъ постигнуть и то, что воодушевляетъ народы и служить импульсомъ толпѣ, познать власть мысли надъ толпой и, наконецъ, узнать, на какой нравственный подъемъ, а также на какое нравственное проявленіе звѣрскихъ инстинктовъ способенъ человѣкъ.

Офицеръ долженъ быть воодушевленъ любовью къ низшимъ, убѣжденъ въ необходимости своей роли воспитателя; онъ долженъ направлять и просвѣщать солдата—это простое, наивное, слабое, робкое, большое дитя, защищать его отъ постороннихъ гибельныхъ вліяній.

Въ обществѣ офицеръ долженъ быть рыцаремъ, джентльменомъ, всегда хорошо одѣтымъ, съ тонкими манерами въ обращеніи и разговорѣ; посѣщать хорошее общество, гдѣ конечно ему всегда будетъ отведено почетное мѣсто. Вотъ въ общихъ чертахъ желательный типъ офицера.

Перѣдко энергія офицеровъ убивается рутинной собственнаго начальника, мечтающаго такъ или иначе прослыть выдающимся, думающаго объ угожденіи вкусамъ слѣдующаго начальника и боящагося проявленія всякой инициативы своихъ подчиненныхъ. Частіи готовятся къ смотрамъ и фокусамъ, а о дѣлѣ думаютъ меньше всего; такіе командиры страшнѣе 30-ти лѣтняго мира.

Воздѣйствіе офицеровъ на солдатъ.

Къ сожалѣнію въ военныхъ училищахъ подготовка нравственной стороны обязанностей офицера, занимаетъ очень мало мѣста. Все вниманіе обращено на ремесло—на техническую сторону.

Воздѣйствіе, производимое офицеромъ на солдата, должно быть двойко: нравственное, которому принадлежитъ первенствующая роль и вліяніе на умъ. Результаты нравственного вліянія достижимы собственно говоря очень легко: офицеръ долженъ только проникнуться мыслию, что онъ естественный опекунъ своего подчиненнаго и часто бываетъ достаточно сказаннаго слова, съ чувствомъ, отъ сердца, чтобы оно достигло и повліяло на душу и сердце другого.

Надо вести возможно чаще воспитательныя бесѣды, разговоры съ унтеръ-офицерами и людьми относительно ихъ правъ и обязанностей какъ на службѣ въ военное и мирное время, такъ и внѣ службы, стараясь развить ихъ нравственно и умственно, но отнюдь не дѣлая изъ этого зазубриванія, заучиванія. Многіе офицеры боятся этого, отстраняются подъ предлогомъ, «что я не ораторъ»; и слава Богу, ненужно этого; не нужно читать рѣчей, чтобы быть понятымъ солдатомъ, но надо при всякомъ удобномъ случаѣ вести обыкновенные разговоры, полные сердечности, надо говорить простымъ языкомъ, надо только имѣть сердце и душу, любящія солда-

та, что должно быть у всякаго офицера. Солдаты не нуждаются въ утонченныхъ и изысканныхъ мысляхъ, которыя должны быть цѣнны не только сами по себѣ, но зависятъ отъ того чувства и вѣры, съ которыми онѣ высказываются.

Вовсе не надо излагать передъ солдатами какія нибудь особыя нравственныя понятія и развивать ихъ хитроумными разсужденіями, а слѣдуетъ говорить съ ними о явленіяхъ и событіяхъ повседневной жизни и дружески объяснять, что въ томъ или другомъ поступкѣ хорошаго и благороднаго или дурнаго и низкаго; этимъ простымъ путемъ можно мало по малу научить и приучить солдатъ къ нравственной оцѣнкѣ своихъ собственныхъ поступковъ и даже мыслей.

Многіе молодые солдаты только съ поступленіемъ на военную службу сталкиваются съ такими людьми, которые питаютъ почтеніе, любовь и преданность къ своему Императору и отечеству. А между тѣмъ для офицера наличность этихъ качествъ настолько кажется естественною, что онъ очень рѣдко говоритъ о нихъ. Слѣдовало бы въ обращеніи съ солдатами возможно чаще возвращаться къ этому вопросу и при этомъ въ серьезномъ, но непринужденномъ тонѣ; также и унтеръ-офицеры, которые, благодаря совмѣстной жизни въ казармахъ, чаще имѣютъ дѣло съ солдатами во вѣслужебное время, не должны скрывать свои патріотическія чувства и дѣлать такъ, чтобы эти чувства составляли попросту часть той атмосферы, въ которой солдатъ воспитывается.

Политикою солдатамъ не слѣдуетъ заниматься. Это постоянно необходимо твердить солдатамъ, какъ и постоянно подчеркивать, что преданность Государю и любовь къ отечеству должны руководить ими.

Нравственное вліяніе болѣе надежно, чѣмъ вліяніе на умъ и, кромѣ того, вѣрное понятіе о нравственности, здравый смыслъ, чувства чести и долга, любовь къ родинѣ, прямота, необходимы для сформированія характера новобранца и образованія хорошаго солдата, который, черезъ четыре года вернувшись въ свою среду, распространитъ эти понятія, еще болѣе важныя для самой страны.

Въ день увольненія убывающихъ солдатъ, которымъ ихъ командиръ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ былъ отцомъ, онъ долженъ убѣждать ихъ сохранить преданность Государю и отечеству въ частной жизни и въ политическомъ круговоротѣ. Онъ долженъ въ краткихъ словахъ открыть имъ глаза, что исполненіе стремленій враговъ отечества равносильно собственному ограниченію, отсутствію лич-

ныхъ интересовъ для каждаго отдѣльнаго человѣка, а для всего отечества—экономическому упадку.

Чувство чести оружія—и понынѣ сильно дѣйствующее средство поощренія для такихъ солдатъ, у которыхъ личное чувство чести слабо развито, и которые не дорожатъ своею честью. Слова Фридриха: «помните, что вы носите мундиръ короля», или: «стыдитесь, что вы такъ осрамили мундиръ короля или вашего полка», не разъ оказывали хорошее воздѣйствіе; они и приводятъ къ тому, что солдаты сами между собою слѣдятъ, чтобы никто не осрамилъ части, и по-товарищески воспитываютъ другъ друга, чѣмъ значительно помогаютъ офицеру въ его работѣ и облегчаютъ ее.

Военная исторія знаетъ удивительные примѣры, когда вѣра въ вождя или самоувѣренность давали гораздо больше, чѣмъ свѣжія подкрѣпленія.

Когда 3-го января 1871 года армія Федерба, будучи четверо сильнѣе, атаковала дивизію Куммера при Баномѣ и особенно сильно напирала на нее при деревнѣ Сапиньи, начальникъ дивизіи донесъ командиру корпуса, генералу фонъ-Гебенъ, объ опасномъ положеніи дѣла, съ настоятельной просьбою о подкрѣпленіи. Гебенъ отвѣчалъ: «войскъ у меня больше нѣтъ, но я самъ туда прибуду». И когда онъ подѣхалъ къ рѣденымъ рядамъ на самомъ опасномъ мѣстѣ, радостныя восклицанія раздались по всѣмъ рядамъ, каски были надѣты на штыки и тяжелое предчувствіе, растаявшее въ громовомъ ура при встрѣчѣ уважаемаго предводителя, смѣнилось порывомъ.

— «А теперь впередъ!»

Другой примѣръ: во второй битвѣ подъ Плевной 30-го іюля 1877 года, генераль Скобелевъ долженъ былъ взять «Зеленую гору». Въ очень упорной битвѣ одинъ за другимъ ввелъ онъ въ дѣло всѣ баталіоны резерва. Вотъ онъ съ своего наблюдательнаго пункта въ тылу видитъ, какъ противъ его, уже болѣе не подвигавшагося впередъ, боевого порядка, турки перешли въ рѣшительную контръ-атаку. Единственнымъ резервомъ оставался у него—онъ самъ. Галопомъ бросился онъ впередъ, далъ сигналъ къ атакѣ и увлекъ сражавшихся; въ безпорядкѣ бѣжавшихъ передъ нимъ турокъ онъ преслѣдовалъ до Плевны.

Приведемъ еще одинъ примѣръ силы самоувѣренности, образовавшейся въ войскахъ, привыкшихъ побѣждать. Когда вечеромъ 23-го декабря 1870 года въ битвѣ на рѣкѣ Галлю, французы приложили невѣроятныя старанія взять назадъ деревни, вырванныя

у нихъ нѣмецкими войсками, и все снова и снова повторяли свои атаки, во время перерыва одинъ мушкетеръ запѣлъ «Die Wacht am Rhein», и скоро до французовъ донесли звуки гимна, подхваченнаго всеми стрѣлками: «Lieb Vaterland magst ruhig sein, feststeht und treu die Wacht am Rhein. («Дорогое отечество будь спокойно—крѣпко стоитъ вѣрная стража на Рейнѣ»). При такихъ обстоятельствахъ вполне достаточно было словъ этой пѣсни...

Умственное влияние должно быть также производимо при помощи простыхъ обыкновенныхъ сердечныхъ разговоровъ и возможно болѣе частымъ и близкимъ общеніемъ съ солдатомъ. Надо помнить, что всякій образованный, культурный человѣкъ, имѣетъ свои личныя обязанности, которыя запрещаютъ накапливать познанія и ничего съ ними не дѣлать; онѣ возлагаютъ на каждого роль обучающаго пропорціонально его культурности и количеству знаній. Умственное влияние—это добавленіе къ нравственному и только соединеніе ихъ можетъ дать ожидаемые пользу и результаты.

У многихъ нашихъ новобранцевъ трудно вынудить личное мнѣніе, у многихъ пропадаетъ желаніе выразить его по той причинѣ, что учитель недоволенъ отвѣтомъ, ибо онъ выраженъ недостаточно ясно или не попалъ въ точку...

У такихъ солдатъ самостоятельное соображеніе—робкое растеньице, каждый глазокъ котораго укрѣпляется только похвалою и ободреніемъ. Тотъ учитель, который умѣетъ это сдѣлать, часто добивается успѣха, приносящаго ему самому самую искреннюю радость. Въ боевыхъ упражненіяхъ солдатъ впервые учится самостоятельно соображать, потому что оживляется его воображеніе впечатлѣніями боя; по самостоятельному соображенію онъ учится принимать рѣшеніе, а потомъ рѣшительно исполнять его. Солдаты, которые поступаютъ такимъ образомъ и этимъ влияют на своихъ товарищей, слѣдовательно и принимаютъ на себя отвѣтственность, прежде всего слѣдуетъ похвалить, даже и въ томъ случаѣ, если они что нибудь не такъ сдѣлали. Это побуждаетъ ихъ къ сознательному и разумному дѣйствию, а отсюда только и можетъ получиться самостоятельная и энергичная дѣятельность.

Самостоятельный, твердаго характера солдатъ—цѣль всякаго мирнаго воспитанія.

Вообще, солдата нужно почаще въ разговорѣ наставлять и обсуждать съ нимъ каждое упражненіе и его цѣль, чтобы голова и сердце могли принимать участіе. «Каждый солдатъ долженъ знать свой маневръ»,—это одинъ изъ важнѣйшихъ афоризмовъ Суворова.

Спокойнаго и рѣшительнаго солдата никакая случайность при столкновеніи не должна изумлять или поражать, и главное средство противъ этого—возбужденіе вниманія. Поэтому желательно никогда не дѣлать ежедневныя упражненія въ одномъ и томъ же порядкѣ, потому что всѣ смущаются, когда случайно не соблюдается обычный порядокъ. Но этого еще мало,—каждый солдатъ, и въ общей массѣ, долженъ быть готовъ каждую минуту лично исполнить особенное приказаніе. Для этого рекомендуется на занятіяхъ неожиданно командовать, напримѣръ: передняя или задняя шеренга направо; такіе ле стой или впередъ, четныя роты кругомъ, четвертое отдѣленіе стой и т. д.

Въ отношеніи развитія и укрѣпленія воинскаго духа, особенное значеніе имѣетъ гарнизонно караульная служба, потому что она—первый шагъ посвященія солдата въ службу противъ непріятеля. Караульная служба—единственная настоящая служба въ мирное время; все остальное только подготовка. На посту рядовой солдатъ сторожитъ интересы высшей важности, и поэтому ему дается страшное право надъ жизнью и смертью своихъ ближнихъ подъ его личную отвѣтственность. На посту онъ не долженъ повиноваться приказаніямъ тѣхъ, коихъ въ другое время онъ обязанъ слушать; съ своей усталостью онъ не долженъ бороться, въ сознаніи исполненія долга ¹⁾.

При исполненіи гарнизонно-караульной службы начальники должны развивать также и чувство долга, вводя солдата на посту въ искушеніе—нарушить свои обязанности. «Начальникъ, который не научилъ своихъ подчиненныхъ вѣдѣ, стрѣльбѣ, фехтованію и т. п.—плохъ. Тотъ же, который не научилъ ихъ караульной службѣ—нечестный человѣкъ», говорилъ Драгомировъ.

¹⁾ Чтобы нижніе чины съ уваженіемъ относились къ караульной службѣ необходимо, чтобы она была строго обдумана, чтобы не было ни одного лишняго безцѣльнаго поста; подобные посты только вводятъ въ искушеніе людей, приучая ихъ безъ должнаго уваженія смотрѣть на свою сдачу. Поэтому годовые почетные посты, безъ всякой сдачи, не должны бы существовать, въ особенности отъ кавалерій, гдѣ каждый человѣкъ дорогъ и своимъ нарядомъ увеличиваетъ работу по уходу за лошадью другому, оставшемуся дома человѣку. Для всѣхъ почетныхъ постовъ у памятниконъ и т. п. должно бы было быть достаточное число дворцовыхъ гренадеръ.

Вѣдъ много лѣтъ стоялъ часовой у розы, поправившейся Императрицѣ Екатерицѣ Великой, но увя и по сіе время существуютъ посты въ томъ же духѣ.

VI. Заключение.

Наши уставы и инструкции, давая возможность придти къ великолѣпнымъ результатамъ физическаго и умственнаго обученія, имѣютъ очень мало указаній относительно воспитанія. Въ нихъ нравственное воздѣйствіе на солдатъ скорѣе совѣтуется, чѣмъ предписывается; слѣдовало бы его категорически требовать отъ офицеровъ. Къ сожалѣнію, у насъ въ большинствѣ случаевъ солдатъ и офицеръ недостаточно знаютъ другъ друга и что еще важнѣе, имѣютъ другъ о другѣ ложное представленіе; недоразумѣнія же въ полку между двумя лицами, изъ которыхъ одно обладаетъ законнымъ правомъ взыскивать съ другого, могутъ повести къ печальнымъ послѣдствіямъ.

Правосудіе, карающее въ слѣпую, не должно быть допустимо; надо видѣть виновность и справедливо соразмѣрять съ ней наказаніе, а это возможно лишь тогда, когда точно опредѣлены причины поступка, часто мало извѣстныя и сложныя. Нельзя возстановить ходъ мыслей, душевной драмы провинившагося и благодаря этому найти соотвѣтствующее наказаніе если знать только его фамилію и лицо (а есть офицеры не знающіе и этого), а ничего не знать о его происхожденіи, въ средѣ, гдѣ онъ выросъ, чему наученъ и какіе примѣры въ жизни видѣлъ раньше.

Подобныя бесѣды съ нижними чинами нечего даже ставить въ расписаніе занятій, часто только для отбытія №, для вида, чтобы потомъ не исполнить. Надо пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы бесѣдовать съ людьми, ловить удобные психологическіе моменты и во время занятій, ѣзды, полевой службы—маневровъ, объяснять текущія военныя и политическія событія; хвалить или бранить (отнюдь не грубо ругать) при людяхъ того, кто заслужилъ похвалу или порицаніе; сказать нѣсколько словъ въ случаѣ смерти или болѣзни человѣка. При желаніи всегда найдется когда и что сказать.

Тутъ кстати напомнить, что многіе начальники часто забываютъ одно изъ умныхъ указаній устава: навѣщать своихъ больныхъ. Надо помнить, что въ этомъ простомъ человѣческомъ долгѣ лежитъ вопросъ первѣйшей важности относительно военнаго воспитанія. Начальникъ, навѣщая своего больного, завладѣваетъ его любовью, привязываетъ его къ себѣ на всю жизнь, будь то самый дурной человѣкъ эскадрона. Если болѣзнь серьезна, то предупреждая родственниковъ, начальникъ привязываетъ къ себѣ цѣлую семью. Въ

случаѣ смерти солдата, написавъ сочувственное письмо его семьѣ, сказавъ нѣсколько сердечныхъ словъ на его могилѣ, поставивъ на ней крестъ отъ эскадрона, командиръ докажетъ всему народу, что солдаты не умираютъ какъ собаки; увы, это мнѣніе и предразсудокъ существуютъ въ народѣ и въ томъ можетъ быть виноваты сами начальники.

Припомните Наполеона, Суворова, навѣщавшихъ своихъ больныхъ и въ военное и въ мирное время, давая на дѣлѣ величайшій примѣръ военнаго воспитанія; не у нихъ ли намъ надо учиться?

При обученіи и воспитаніи, никогда не надо забывать сердце, душу и совѣсть—эти источники нравственной силы, какъ цѣлаго народа, такъ и отдѣльнаго человѣка. Только не давая потухнуть этимъ свѣточамъ нравственной жизни, можно достигнуть должной высоты обученія—его идеала.

Солдатъ, какъ живая сила, только тогда проявитъ все свои качества и могущество, когда имъ будутъ командовать начальники нравственно стоящіе выше его и обучая, будутъ смотрѣть на него прежде всего какъ на человѣка, а не только какъ на солдата.

Къ сожалѣнію, поступающіе на службу охотно прислушиваются, когда дома имъ говорятъ, что военная служба и воинская повинность—это бичъ, и что исполняется она населеніемъ лишь потому, что приходится повиноваться законамъ. Такой взглядъ на вещи отзывается прежде всего на офицерахъ, являющихся въ глазахъ народа символомъ военнаго гнета, о тяжести котораго враги общества постоянно твердятъ народу, стараясь всеми силами и средствами вселить раздоръ между нимъ и арміей, подорвать авторитетъ и достоинство офицеровъ.

Этому злу можетъ помочь офицерство, проникнутое сознаніемъ своей общественной роли и твердымъ намѣреніемъ выполнить ее. Оно, воспитывая своихъ людей въ духѣ сближенія народа и арміи, взаимнаго пониманія и уваженія другъ друга, какъ это необходимо для блага родины, посѣетъ добрыя сѣмена, которыя, по уходѣ людей въ запасъ, дадутъ богатые плоды по всей нашей родинѣ.

Солдаты послѣ службы должны возвращаться домой болѣе нравственными и развитыми, чѣмъ были раньше; окунувшись въ военную службу, молодежь должна выходить стальной—войдя въ нее желѣзной; тогда армія не станетъ чужимъ тѣломъ для народа, а будетъ близка ему, и нынѣшніе клеветники должны будутъ прекратить свои обвиненія.

Между арміей и народомъ должна быть и будетъ полная гармонія, отсутствіе и недостатокъ которой приноситъ родинѣ чувствительный вредъ.

Народъ долженъ понять, что отдаетъ своихъ дѣтей родинѣ, отечеству, а не начальникамъ и полководцамъ, чтобы способствовать только блеску ихъ карьеры.

Армія не должна составлять отдѣльнаго мира, потому что вслѣдствіе всеобщей воинской повинности она ни что иное, какъ самъ народъ, постоянно обучаемый военному дѣлу для соотвѣтственной защиты; арміи,—это составная часть народа и они должны быть въ постоянномъ тѣсномъ единеніи, что составляетъ условіе ихъ взаимной силы. Также и офицеръ въ средѣ своихъ подчиненныхъ не долженъ изолироваться въ грозномъ величіи начальника, а обязанъ близко входить въ нужды и жизнь людей не только матеріальную, но духовную и нравственную, т. е. сдѣлаться воспитателемъ русской молодежи.

Хотя мы и приводили въ предыдущихъ отдѣлахъ практическіе примѣры, но это именно и есть только примѣры, чтобы лучше разъяснить мысль, но не практическіе совѣты и не рецепты, для воспитанія въ моральномъ отношеніи.

Дѣло въ томъ, что это—сила духа, оживляющая формы, и здѣсь особенно умѣстна старая поговорка: «если двое дѣлаютъ одно и то же дѣло, то это все-таки не одно и то же».

Было бы даже дерзостью давать такія указанія, ибо всякій человѣкъ, призванный къ воспитательской дѣятельности, имѣетъ свою личную, индивидуальную особенность и не долженъ непременно усваивать въ этомъ отношеніи себѣ что-нибудь чужое.

М. Я.

